

Сергей Никифорович Щеголев

Современное украинство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Щ34

Щ34 **Щеголев С.**
Современное украинство / Сергей Никифорович Щеголев – М.: Книга по Требованию,
2023. – 162 с.

ISBN 978-5-521-38860-8

"Настоящая брошюра составлена по более обширному труду. Украинское движение как
современный этап южно-русского сепаратизма"

ISBN 978-5-521-38860-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава I.

Населеніе Южной Руси и его языкъ народный и книжный до возсоединенія Малороссіи съ Москвой.

§ 1. Русскія племена и ихъ говоры. Восточная или русская вѣтвь славянства дѣлится нынѣ на три разновидности или племена: бѣлорусское, великорусское и южнорусское. Южно-русы въ предѣлахъ Россіи называются малороссами; въ Австро-Венгріи мы различаемъ между ними, географически,—буковинцевъ, угроруссовъ и галичанъ. Всѣ эти русскія племена составляютъ, по удачному выраженію акад. Корша, тріединный русскій народъ. Племена, на которыя дѣлилась Русь на зарѣ своей исторіи, были болѣе многочисленны, но говоры этихъ племенъ всѣ принадлежали одному древнерусскому языку, который знаменитымъ ученымъ Ягичемъ разсматривается, какъ сумма всѣхъ этихъ говоровъ или разнорѣчій (діалектовъ); таково же мнѣніе и громаднаго большинства русскихъ лингвистовъ, а также украинофиловъ Потебни и Житецкаго. Дѣленіе древнерусскаго языка на говоры, до нѣкоторой степени, совпадало съ дѣленіемъ русскаго народа на древнія племена.

Отдѣльную группу говоровъ составляли говоры кривичей (словенъ); это весьма родственные между собою говоры новгородскій, псковской и полоцко-смоленскій. Среднерусскій говоръ—говоръ вятичей и ихъ колонистовъ на обоихъ берегахъ верхней Волги—является родоначальникомъ современнаго великорусскаго нарѣчія; онъ раздѣлился на почти тождественные говоры сѣверные или окающіе и южные или акающіе. Старый западнорусскій или бѣлорусскій говоръ—говоръ дреговичей—былъ чрезвычайно близокъ къ среднерусскому говору.

Древній Кіевскій говоръ—говоръ полянъ—нынѣ исчезнувшій, относился, судя по древнимъ памятникамъ, къ среднерусской группѣ и, притомъ, къ той ея части, которая вошла позднѣе въ составъ великорусскаго нарѣчія. О древнемъ переяславско-черниговскомъ говорѣ—говорѣ сѣверянъ—ничего опредѣленнаго нельзя сказать. Можно лишь упомянуть, что

авторъ Несторовой лѣтописи видѣлъ въ сѣверянахъ племя родственное съ новгородскими кривичами („сѣверо отъ словень“), и что малороссы XVII вѣка видѣли въ коренныхъ жителяхъ Чернигова „московскихъ“ людей.

Галицко-волинскій говоръ, т. е. говоръ дулѣбовъ-волинянъ,—предокъ современнаго малорусскаго нарѣчія. Немного-численныя фонетическія особенности этого говора сближали его съ говорами бѣлорусскимъ, полоцко-смоленскимъ и даже новгородскимъ.

Главныя звуковыя особенности русскаго языка, свойственныя всѣмъ его современнымъ вѣтвямъ или нарѣчіямъ, блестяще подтверждаютъ единство языка и служатъ его характернымъ отличіемъ отъ всѣхъ западнославянскихъ и южнославянскихъ языковъ. Общія черты сближаютъ между собою русскія нарѣчія настолько, что сходство ихъ другъ съ другомъ замѣчается даже предубѣжденнымъ глазомъ. Давно замѣчены черты общія нарѣчіямъ бѣлорусскому и малорусскому. Близость южно-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій столь велика, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Точно также давно обращено вниманіе на то обстоятельство, что сѣверная часть несомнѣнно малорусскихъ говоровъ ближе стоитъ, по фонетикѣ, къ сѣверновеликорусскимъ окающимъ говорамъ, чѣмъ, напр., къ украинскому и галицкому говорамъ своего же малорусскаго нарѣчія.

Кромѣ того, многія малорусскія, лучше сказать—древнерусскія, слова, не вошедшія въ современный книжный русскій языкъ, сохранились въ великорусскихъ народныхъ говорахъ. Такъ, въ архангельской губ. употребительны слова—*заробить*, *надѣя*; въ калужской—*казать*, *трохи*; въ костромской—*звычайно*; въ нижегородской—*нехай*; въ орловской—*посагъ*, въ пензенской—*вечерять*, *жалковать*, *заховать*; въ рязанской—*або*, *абы*, *жадать*; въ тамбовской—*добре*, *смажить*, *сподѣваться*; въ тверской—*дуже*; въ тульской—*жуна*, *ледвь*, *яловка* и мн. друг.

„У. Д.“
4—9.

§ 2. Малорусское нарѣчіе. Мнѣнія почти всѣхъ ученыхъ о возрастѣ малорусскаго нарѣчія близки между собою. Укранинофилъ Житецкій говоритъ, что нарѣчіе это, по преимуществу,—историческое и стало типичнымъ лишь нѣсколько вѣковъ; происходя съ великорусскимъ нарѣчіемъ изъ одного общаго источника, малорусское нарѣчіе дифференцировалось лишь съ эпохи татарщины, а современную фонетику оно получило съ XV—XVII вѣковъ. Проф. Срезневскій и акад. Коршъ от-

носятъ появленіе малорусскаго нарѣчія къ XIII—XIV вѣкамъ. Въ общемъ малорусскомъ нарѣчіи рѣзче всего выдѣляются два поднарѣчія сѣверно-малорусское и южно-малорусское (украинско-галицкое). Первое наблюдается въ сѣверныхъ уѣздахъ губерній волынской, кіевской, полтавской и черниговской и въ южныхъ уѣздахъ губерній минской и гродненской, а также въ Холмщинѣ. Южномалорусское поднарѣчіе занимаетъ всю остальную часть малорусской этнографической территории въ Россіи, а за рубежомъ—сѣверо-западную Буковину. Въ говорахъ Галичины встрѣчаются рядомъ сѣверно-малорусскія и южно-малорусскія черты. Тоже наблюдается и въ Угорской Руси: коренной чистый говоръ находится здѣсь въ ближайшемъ родствѣ съ сѣверно-малорусскимъ поднарѣчіемъ, хотя въ отдѣльныхъ діалектахъ наблюдаются и особенности поднарѣчія южно-малорусскаго.

Крайне важно то обстоятельство, что сѣверно-малорусскіе говоры представляютъ изъ себя промежуточные звенья между тремя вѣтвями русскаго народа; большинство этихъ говоровъ—въ сущности говоры бѣлорусскіе или частью южно-великорусскіе, подвергшіеся сильному малорусскому вліянію.

Часть измѣненій въ фонетикѣ и въ словесномъ матерьялѣ (въ лексикѣ), вызвавшихъ постепенное превращеніе южно-русскихъ говоровъ въ малорусское нарѣчіе, можетъ быть отнесена на счетъ несомнѣнныхъ инородческихъ примѣсей къ южно-русс. населенію. Южно-русскія княжества окружены были (въ IX—XII вѣкѣхъ) съ юга полукольцомъ кочевыхъ тюрко-иранскихъ племенъ: половцевъ или кумановъ, печенѣговъ, черкасовъ, торковъ, турпиевъ, берендѣевъ; еще южнѣе обитали, оттиснутые кочевниками къ Черному морю, южно-русскія племена тиверцевъ и улучей (участвовавшихъ въ твореніи южномалорусскихъ нарѣчій). Въ XII—XIII вѣкѣхъ мы видимъ въ степяхъ довольно многочисленныхъ русскихъ кочующихъ „бродниковъ“, которые умѣли уживаться съ кочевниками-азиатами. Къ югу отъ Кіева непосредственно за рѣкой Росью—въ Поросьѣ—возникли въ XI вѣкѣ цѣлыя слободы, заселенныя наполовину русскими, наполовину торками. Съ появленіемъ у южнаго рубежа Руси въ XI вѣкѣ хищныхъ половцевъ, русскіе князья, ради политическихъ соображеній, часто вступали въ кровное родство съ половецкими ханами. Вѣроятно, не отставалъ отъ князей въ такихъ бракахъ и народъ, у котораго даже сложилось знаменательное присловье о „красныхъ дѣвкахъ половецкихъ“. Подъ давленіемъ татарскимъ

(въ XII—XIII в.) толпы полуобрусѣлыхъ инородцевъ, бродниковъ и, быть можетъ, тиверцевъ вдвигались въ южно-русскую черту осѣдлости. Отъ этихъ народовъ и народцевъ остались на память потомству названія ихъ старыхъ поселковъ: село Печенѣжинъ въ В. Галичинѣ; три села Половецкихъ въ кievской и волынской губерніяхъ, Торчинъ и Торковъ въ подольской губерніи, а также Торчица, Кумановка, Черкасы, Бердичевъ (изъ Берендичевъ), Турбовъ (изъ Турпiевъ) всѣ кievской губерніи. Лыбопытно, что между прозвищами „мирныхъ“ (осѣдлыхъ) половцевъ встрѣчаются совершенно тождественныя по конструкціи съ современными малорусскими фамиліями (Кунячукъ, Билюкъ). Ясно, что смѣшанное сожителство инородцевъ со славянами приносило новые элементы въ народную рѣчь. Уже переходъ русскихъ „бродниковъ“ и, вѣроятно, тиверцевъ на полукочевую жизнь обнаруживаетъ ту, по меньшей мѣрѣ, нестойкость культуры, которая могла дѣлать ассимиляцію склонной на компромиссы. Могъ явиться промежуточный южно-русскій жаргонъ, который позднѣе привелъ къ малорусскому нарѣчію съ его удлинненными гласными, напоминающими протяжную рѣчь жителей Востока. Отъ сосѣдства и общенія съ татарами южно-русскія нарѣчія почти не пострадали ни въ фонетикѣ, ни въ морфологіи, унаследовавъ лишь кое-что изъ лексическаго матеріала (отсюда, напр., малорусскія слова: бугай, кавунъ, тютюнъ, килимъ, люлька, баламутъ, булава, чумакъ и козакъ).

За 5—6 вѣковъ своего существованія (XIV—XX) малорусское нарѣчіе подвергалось многочисленнымъ и многостороннимъ вліяніямъ, способствовавшимъ дробленію его на діалекты и измѣненіямъ въ лексикѣ и морфологіи. Соприкосновеніе малорусскаго нарѣчія съ другими нарѣчіями русскаго языка привело къ тому, что въ настоящее время существуютъ даже діалекты малорусско-бѣлорусскіе и малорусско-великорусскіе; кромѣ того, много словъ русскаго книжнаго языка попадаетъ въ малорусскую деревню изъ городовъ и въ ней акклиматизируется.

Лексическія особенности, отличающія современное малорусское нарѣчіе отъ великорусскаго, теряются въ массѣ словъ, общихъ обоимъ нарѣчіямъ. Особенности фонетическія и морфологическія ($1\frac{1}{2}$ —2 десятка) не рѣзки; часть ихъ принадлежитъ къ архаизмамъ, тождественнымъ съ церковно-славянскими словами и оборотами и, притомъ, не отличающимся стойкостью.

§ 3. Языкъ западно-русской письменности. Не взирая на послѣдовавшую за нашествіемъ монголовъ полную политическую разобщенность между Восточной и Западной Русью, духовная связь между обѣими половинами нашей родины не прерывалась, благодаря общему книжному языку. Еще въ XIV вѣкѣ книжный языкъ древней Руси (въ Галичѣ, Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ и Москвѣ) былъ одинъ; въ основу его легъ церковно-славянскій (старо-болгарскій) языкъ. Доказано даже, что многіе южно-русскіе памятники XVI и XVII вѣковъ писаны на томъ же языкѣ, на какомъ писали тогда въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ и на Поморьи. Малорусское нарѣчіе дальше устнаго народнаго обихода не поднималось и не имѣло ни письменности, ни оффиціального (государственнаго) значенія. Западно-русскій актовъ языкъ заключалъ, однако, въ себѣ много малоруссизмовъ (въ томъ числѣ элементовъ сѣверно-малорусскихъ поднарѣчій) и бѣлоруссизмовъ, изъ коихъ первые преобладали въ XIV вѣкѣ, а послѣдніе—въ XV вѣкѣ. Полонизмы въ западно-русскомъ книжномъ языкѣ появились съ половины XVI вѣка (отъ Люблинской уніи); въ Галицкомъ воеводствѣ они появились гораздо раньше (XV в.) и въ значительно большемъ количествѣ. Къ половинѣ XVII в. книжный языкъ Западной Руси, подъ вліяніемъ польско-латинской школы и моментовъ общественно-политическаго характера, подвергся довольно рѣзкой полонизаціи какъ въ лексикѣ, такъ и въ морфологіи; не мало южно-русскихъ писателей перешло тогда совсѣмъ на польскій языкъ.

Возсоединеніе Кіева (крупнаго научнаго центра) и восточной половины Малороссіи съ Великой Россіей было и началомъ возсоединенія западно-русскаго книжнаго языка съ восточно-русскимъ и постепеннаго сліянія ихъ въ одинъ общерусскій языкъ. Хотя антинаціональность русской государственной политики доходила до того, что еще въ XVIII в. читались на польскомъ языкѣ многія лекціи даже въ Харьковской коллегіи, т. е. тамъ, гдѣ и кости польской не было, тѣмъ не менѣе западно-русскій языкъ хирѣлъ и исчезалъ, растворяясь въ общерусскомъ руслѣ. Явленіе это было вполне естественнымъ; сквозь выдыхавшіеся латинизмы и полонизмы въ книжномъ языкѣ Южной Руси блисталъ, какъ самоцвѣтный камень, здоровый русскій корень. По возсоединеніи Малороссіи съ Россіей двинулись на сѣверъ сперва въ Москву, а потомъ и на берега Невы ученые питомцы Кіевской Академіи, славнаго разсадника просвѣщенія на нашемъ югѣ; пришли они, не какъ

иностранцы, а какъ родные братья; понятно москвичамъ рѣчью заговорили они о плодахъ западной науки; какъ пчелы несутъ медъ въ соты роднаго улья, такъ приносили они питательные соки въ создаемую русскимъ книжнымъ людомъ русскую книжную рѣчь.

По словамъ извѣстнаго писателя украинофила П. А. Кулиша, когда Южная Русь, или какъ обыкновенно ее называютъ, Малороссія, присоединилась къ Сѣверной или Великой Россіи, умственная жизнь на сѣверѣ тотчасъ оживилась притокомъ новыхъ силъ съ юга, и потомъ Южная Русь постоянно уже принимала самое дѣятельное участіе въ развитіи сѣвернорусской литературы. Извѣстно каждому, сколько малороссійскихъ именъ записано въ старыхъ лѣтописяхъ русской словесности. Люди, носившіе эти имена, явились на сѣверъ съ собственнымъ языкомъ и *ввели этомъ языкъ въ тогдашнюю русскую словесность, какъ рѣчь образованную*. Природные москвичи оставили языкъ своихъ разрядныхъ книгъ и грамотъ для этой рѣчи, и въ Россійскомъ государствѣ, мимо народнаго сѣверно- и народнаго южно-русскаго языковъ, *образовался языкъ, составляющій между ними средину* и равно понятный обоимъ русскимъ племенамъ.

Въ одобренномъ для галицкихъ школъ учебникѣ литературы А. Барвинскаго мы находимъ категорическое утвержденіе, что перенесеніе съ половины XVII ст. просвѣщенія и науки въ Московщину было для кievскихъ ученыхъ тѣмъ болѣе легкимъ, что они писали, подобно тому какъ и въ Москвѣ въ ту эпоху, языкомъ, созданнымъ на Руси на церковно-славянскомъ фундаментѣ. Тотъ же педагогъ украинскаго лагеря не скрываетъ, что южно-русская литература и наука имѣли значительное вліяніе на Московскую Русь еще съ конца XVI и начала XVII вв., а именно произведеніями Зизанія, Смотрицкаго, Копыстенскаго и Петра Могилы. Въ концѣ XVII в. переселяются на сѣверъ кievскіе ученые: Елифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Димитрій Ростовскій, Феофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій (галичанинъ родомъ); они создаютъ въ Москвѣ постоянный кружокъ, въ которомъ концентрируется наука и *литературная дѣятельность* того времени. Въ XVIII вѣкѣ въ Кіевской академіи, несмотря на отдаленность ея отъ общерусскихъ литературныхъ центровъ, появляются произведенія, мало чѣмъ отличающіяся отъ сѣвернорусскихъ, какъ ода Левандовскаго и гимны Фальковского.

Весьма поучительно мнѣніе о воздѣйствіи Юга на Сѣ-

веръ, высказанное покойнымъ львовскимъ профессоромъ Огоновскимъ, ученикомъ Миклошича и защитникомъ идеи самостоятельности малорусскаго языка. „Лексическій и грамматическій матеріалъ русинскаго (т. е. малорусскаго) языка былъ въ XVIII и XIX ст.,—по словамъ Огоновскаго,—такъ *поглощенъ* московскимъ нарѣчіемъ, что новый языкъ принялъ даже названіе *русскаго*“... „Богатые запасы языка малорусской націи въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій были систематически эксплуатируемы въ пользу московскаго нарѣчія“.

Такимъ образомъ, судьба южно-русскаго книжнаго языка, выразившаяся въ ассимиляціи его съ книжнымъ великорусскимъ, была почтенна и продуктивна: это была смерть сѣмени, попавшаго въ благопріятную почву и принесшаго добрый плодъ.

Г л а в а II.

Польская интрига въ возсоединенной Малороссіи.

§ 4. Литовско-польская Русь и Переяславская рада. Къ половинѣ XIV вѣка удѣльные княжества южнорусскія, подъ вліяніемъ внутреннихъ усобицъ и татарскихъ разгромовъ, утратили всякую связь съ новымъ Владиміро-Суздальскимъ центромъ и дошли до полной государственной дезорганизаціи. Отсюда былъ одинъ лишь шагъ до утраты самостоятельности. Въ 1360 году литовскій князь Ольгердъ присоединилъ къ Литвѣ Черниговское княжество, черезъ 3 года—Подолію и Киевскую землю, а въ 1377 году—Волинь; въ 1386 году превратилась въ польскую провинцію Галицкая Русь. Литовско-русское государство уже въ началѣ XV вѣка стало въ лицѣ православныхъ бояръ какъ малорусскаго, такъ и бѣлорусскаго происхожденія—тяготѣть къ Москвѣ и искать у нея помощи. Это обстоятельство, не входившее въ расчеты бояръ-католиковъ (ополячившихся), ускорило заключеніе между Литвой и Польшей люблинской уніи 1569 г., по которой вся Литовская Русь превратилась фактически въ рядъ польскихъ провинцій. Къ тому времени на южномъ рубежѣ Подольской, Киевской и Черниговской земель или, по старинной административной терминологіи, воеводствъ, образовались для отпора частымъ набѣгамъ крымскихъ татаръ, полувоенные поселки. Вооруженные люди, защищавшіе эту окраину или Украину польскаго государства,

„у. д.“
11—12.

называли себя козаками подобно военнымъ пограничникамъ московскаго государства, поселенія коихъ (при Іоаннѣ Грозномъ) тянулись отъ г. Темникова (нынѣ тамбовской губерніи) до г. Рыльска и Путивля; польское государство, для борьбы съ Москвой, организовало на своей восточной границѣ отряды козаковъ витебскихъ. Самое слово „козакъ“ позаимствовано у татаръ, у которыхъ козаками называлось рядовое войско въ противоположность высшему военному разряду—уланамъ. Религіозный и экономическій гнетъ со стороны поляковъ вызвалъ въ Южной Руси рядъ бунтовъ, руководимыхъ православнымъ южнорусскимъ козачествомъ и извѣстныхъ подъ названіемъ козацкихъ войнъ. Уже черезъ 8 лѣтъ послѣ люблинской уніи часть козачества стала искать защиты и руководства у единовѣрной Москвы; король Стефанъ Баторій имѣлъ свѣдѣнія, что днѣпровскіе козаки или Низовцы уже съ 1577 г. находились въ соглашеніи съ московскимъ государемъ, который учредилъ даже должность Днѣпровскаго воеводы. Болѣе систематическія попытки козаковъ воссоединиться съ Москвой относятся къ 1625 г. Не прошло и ста лѣтъ отъ люблинской уніи, какъ предводителю козаковъ, гетману Богдану Зиновію Хмельницкому удалось освободить фактически восточную половину Южной Руси отъ польскаго владычества. По словамъ историка М. Драгоманова, въ это время въ южномъ козацествѣ была достаточно пробуждена національная сознательность, а потому Хмельницкому было не трудно въ 1654 г. на Переяславской радѣ начать воссоединеніе Южной Руси съ остальной Русью—Русью Московской.

Присяга Хмельницкаго Царю Восточному была, какъ справедливо говоритъ Драгомановъ, актомъ не только натуральнымъ, но и вполне національнымъ тѣмъ болѣе, что этой присягѣ предшествовала массовая эмиграція южноруссовъ изъ-подъ Польши въ Московскія земли. Къ сожалѣнію, часть Южной Руси (Русь Галицкая) находится за нашимъ рубежомъ доселѣ. Волынь и Подолія вошли въ составъ русскаго государства лишь по 2-му раздѣлу Польши (1793 г.); царю же Алексѣю Михайловичу удалось удержать за собой на югѣ лишь воеводства Черниговское и Кіевское (по рр. Днѣпръ и Ирпень). Воссоединенныя земли вошли въ титулъ русскаго государя подъ именемъ „Малыя Россіи“: терминъ этотъ имѣлъ за собою право исторической давности. Въ XIV вѣкѣ галицко-волыньскій князь Юрій I, въ грамотѣ, титуловалъ себя, какъ *dux totius Russiae Minoris*. Константинопольскіе патріархи

въ томъ же XIV вѣкѣ подъ именемъ Малой Россіи („*Ῥωσία*“) разумѣли всю Южную Русь въ противоположность Великой Руси—Московской.

§ 5. Поляки и польскіе клеветы. Съ момента возсоединенія лѣвобережной Малороссіи и Кіева съ русскимъ государствомъ и до нашихъ дней польское правительство, а позднѣе польскіе политическіе дѣятели и публицисты не переставали мечтать о реваншѣ. Нужды нѣтъ, что число поляковъ даже въ правобережной Малороссіи не превышало $3\frac{1}{2}$ —4%, а въ лѣвобережной даже 1%; нужды нѣтъ, что Малороссія сама отложила отъ польской короны и сама *пожелала* принести присягу русскому государю; поляки не брезгали никакими способами въ стремленіи отколоть Малороссію отъ растущей не по днямъ, а по часамъ русской монархіи. Однако, рядовое козачество стояло слишкомъ близко къ простому народу, чтобы увлечься ненавистными для народа польскими идеалами, и лишь отдѣльные честолюбцы изъ козацкихъ старшинъ и ихъ потомковъ откликались на привабливаніе польскихъ дипломатовъ.

Войску козацкому или Запорожскому, постоянный военный лагерь котораго („сѣчъ“) находился на Днѣпрѣ ниже пороговъ, русскій государь даровалъ въ 1654 году, принимая населеніе Малороссіи въ русское подданство, большія привилегіи не только экономическаго, но и политическаго характера; гетману, наприм., было даже дано право принимать иностранныя посольства (кромѣ польскаго и турецкаго). Ближайшее будущее показало всю непригодность и опасность такого государственнаго эксперимента. Уже въ 1658 году козацкій гетманъ Выговскій, польскій шляхтичъ, заключилъ въ Гадячѣ тайный договоръ съ эмиссарами польскаго короля объ отпаденіи Малороссіи отъ Россіи и объ образованіи изъ трехъ воеводствъ (Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго) псевдо-автономнаго „Великаго Княжества Русскаго“ во главѣ съ гетманомъ, назначаемымъ Польшей съ правами сенатора на варшавскихъ сеймахъ. Вождедѣнія Выговскаго и преданныхъ ему старшинъ и ополяченной шляхты не согласовались съ экономическими интересами козачества, не говоря уже о крестьянствѣ, а потому не нашли для своего осуществленія благоприятной почвы. Попытка Выговскаго не удалась. Къ началу XVIII в. Малороссія стала успокаиваться подъ фѣрулой талантливаго администратора гетмана Мазепы-Колединскаго. Иванъ Мазепа воспитывался при дворѣ польскаго короля. Сдѣлавшись гет-

„У. Д.“
19—30.

маномъ Малороссіи, Мазепа снискалъ полное довѣріе Императора Петра I. Громадное тщеславіе его было, казалось, удовлетворено: достигнувъ зенита власти на своей родинѣ, онъ въ то же время былъ кавалеромъ русскаго ордена, даваемого „за вѣру и за вѣрность“, онъ носилъ на груди крестъ Андрея Первозваннаго „патрона всей земли русскої“. Но въ этой груди таилось сердце измѣнника. Мазепа былъ человѣкомъ польской культуры. На порогѣ полтавскаго боя онъ заключилъ тайные договоры съ польскимъ королемъ и со шведскимъ завоевателемъ Карломъ XII. По этимъ актамъ, вся Малороссія съ Кіевомъ, Сѣверщина съ Черниговомъ и Смоленскъ присоединялись къ Польшѣ, Мазепа же становился властителемъ воеводствъ полоцкаго и витебскаго съ титуломъ князя и на правахъ вассала Польши. Отъ тѣхъ козацкихъ старшинъ, коимъ Мазепа „довѣрился“, текстъ договора былъ скрытъ, а цѣлью его указывалось освобожденіе Малороссіи отъ московской власти и образованіе изъ нея самостоятельнаго государства.

Полтавская викторія рѣшила судьбу и польской затѣи, и измѣнника гетмана. Мы, однако, позволимъ себѣ еще нѣсколько остановиться на дѣятельности Мазепы въ виду того „національнаго“ ореола, которымъ окружается имя Мазепы со стороны „украинскихъ“ сепаратистовъ. По остроумному замѣчанію писателя Ф. М. Уманца (малоросса), „Мазепа и его измѣна были необходимы для провѣрки дѣйствительнаго настроенія народа“. „Гетманъ Мазепа“, говоритъ его біографъ проф. Костомаровъ, „держался только могуществомъ московской власти; для малороссіянъ это былъ польскій панъ, который, добавимъ мы, для охраны своей вельможной особы держалъ полкъ польскихъ жолнеровъ. Выводы другого историка-украинофила А. М. Лазаревскаго сводятся къ тому, что „Мазепа имѣлъ въ виду протекторатъ Польши; народъ былъ равнодушенъ къ идеѣ независимой Малороссіи и видѣлъ въ совершавшихся событіяхъ лишь старшинскую затѣю, но и старшина относилась къ замыслу Мазепы несочувственно“. „Если бы Мазепа (и Карлъ) побѣдили подъ Полтавой,—говоритъ французскій писатель де-Вогюэ,—то Мазепа лишь создалъ бы „вторую Польшу“, управляемую беспорядочной олигархіей; это государство козаковъ чрезъ нѣсколько дней распалось бы или было бы подѣлено сосѣдями“. Архи-украинофилъ М. Драгомановъ относительно національно-сознательныхъ элементовъ малорусскаго народа говоритъ очень недвусмысленно, что отъ самого митрополита Іова Борецкаго (начало XVII вѣка) вся